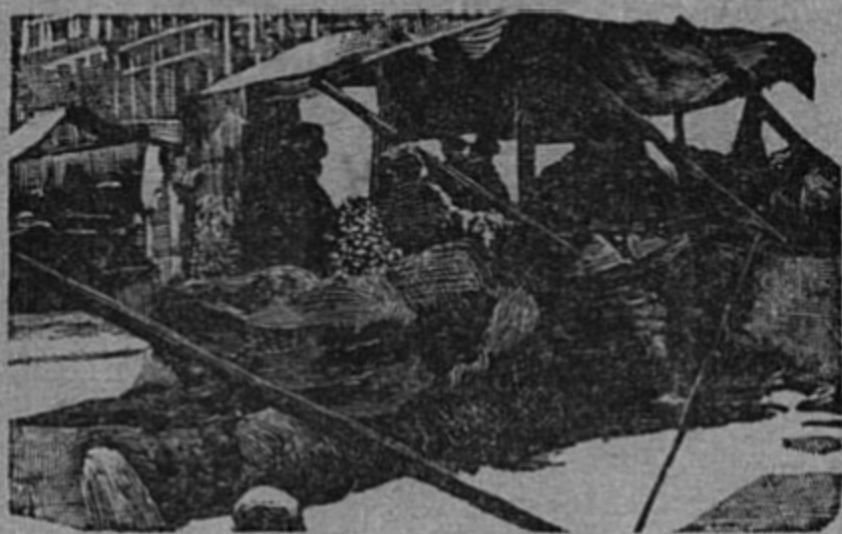

422 $\frac{5}{95}$

ВЛ. А. ГИЛЯРОВСКИЙ

МОСКВА и МОСКВИЧИ

ВОСПОМИНАНИЯ

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПОЭТОВ
МОСКВА 1926

Между актерами было, конечно, не мало картежников и биллиардных игроков, которые постом заседали в биллиардной ресторана Саврасенкова на Тверском бульваре, где велась крупная игра на интерес.

Здесь бывали две провинциальных знаменитости далеких лет.

Это Михаил Павлович Докучаев — трагик и Егор Егорович Быстров, тоже прекрасный актер, игравший все роли.

Докучаев игрок-любитель и скандалист до старости своей славился силой и буйством и был лицом по этой части легендарным. О нем даже упоминает Сухово-Кобылин в своей пьесе „Свадьба Кречинского“, где Расплюев жалуется:

— После Докучаевской трепки не жить.

Шуллера, слыхавшие Докучаевскую трепку,—боялись его.

А Егор Быстров — игрок профессионал, кого угодно умел обыграть и надуть: с него и пошел глагол „об'егорить“.

Но раз у Саврасенкова какой-то приезжий шуллер, которого в Москве никто не знал, притворившись неумелым игроком, обобрал Быстрова в чистую. Об этом много говорили в актерской среде, и даже в „Развлечении“ было напечатано четверостишие:

Хитрее чем базарный вор,
Всех об'егоривал Егор,
Но наскочил Егор на вора,—
И об'егорили Егора.

Помещался ресторан Саврасенкова почти против дома обер'полицмейстера и пользовался покровительством местного пристава Раскинда, получавшего с него большой доход. Над рестораном были „номера свиданий“ и кроме того в этих номерах собирались шуллера, и шла крупная картежная игра. Самый ресторан был дешев, доступен и всегда был переполнен, особенно после театров, так как Саврасенкову Раскинд выхлопотал право поздней торговли до 2-х часов ночи. Это было заведение вроде Эрмитажа Оливие, только демократичнее, сорта на три пониже, но с такими же номерами как в Эрмитаже, только сюда приходили парочки с Тверского бульвара, а в Эрмитаж приезжали в каретах. Особенно здесь привлекала дешевизна: графинчик водки в 8 рюмок стоил 25 коп., и к нему подавался поднос с 8-ю блюдечками закуски, в том числе паюсная икра, балык, горячие сосиски и маринованная свекла с хреном.

Здесь бывала самая разнообразная публика: подрядчики, торговцы, студенты, сыщики, чиновники, а все население Саврасенковской бильярдной, состояло из шуллеров и любителей бильярда, между которыми бывали и купцы и крупные подрядчики, игравшие на большие куши.

Бильярдная Саврасенкова всегда с полудня до 2-х часов ночи была полна народом, сплошь занимавшим длинные диваны по стенам. Игра велась на интерес, при чем деньги клали в лузу, а иногда, для верности, отдавали маркеру на руки. Партии шли по несколько десятков рублей, при чем принимала участие вся публика, державшая за игроков. Последние не редко „спускали“ и задаром отбирали деньги у простаков, не знавших, что шуллера сговорились между собой заранее.

Как-то позавтракав у Саврасенкова, я зашел в бильярдную, сел на диван и выразил желание подержать за профессионального игрока Малинина, игравшего с огромным маркером, с прозвищем „Голиаф“. В тот момент, когда я вынимал рубль предлагавшему пари юркому человеку, сидевший со мной старый приятель, бывший актер, взял у меня из рук этот рубль и сказал:

— Я держу за Голиафа.

Я согласился, а бритый наклонившись к моему уху, прошептал:

— Игра идет на спуск. Малинин проиграет, я вам рубль отдам после, чтоб не заметили. Партия будет в последнем шаре... Молчи и смотри!

Действительно, партия кончилась последним шаром, который Малинин подставил Голиафу.

— Ну видишь. Пойдем в зал водку пить. Оба рубля и пропьем.

Мы выпили 3 графинчика и съели 24 блюдечка закуски.